

СОЦИОЛОГИЯ ИСЛАМА
Ответственный за рубрику: *Бехруз
Махмуди-Бахтияри*
© Исламоведение. 2018. Т. 9, № 2 (36)

SOCIOLOGY OF ISLAM
Person in charge of the section: *Behruz
Mahmudi-Bakhtiari*
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2018. Vol.
9, № 2 (36)

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-1-82-90

УДК 297+392.8

Содержание статьи

Информация о статье

*Г.Р. Столярова*¹
*С.Ю. Рычков*²
*Н.В. Рычкова*³
*Дж.М. Маддахи*⁴

Введение
Историко-культурные характеристики
референтных групп
Исследовательский контекст
Принцип
дозволенности/недозволенности в
культуре питания
Заключение

Поступила в редакцию: 07.11.2017.
Передана на рецензию: 18.11.2017.
Получена рецензия: 29.11.2017.
Принята в номер: 26.01.2018.

Традиции халяль и харам в культуре питания татар и таджиков (по материалам этносоциологических исследований в Татарстане)⁵

¹ *Казанский (Поволжский) федеральный университет; guzelstol@mail.ru;*

² *Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП); rychkovkazan@rambler.ru;*

³ *Казанский национальный исследовательский технологический университет; nadvas2@rambler.ru;*

⁴ *Shahid Bahonar University; madahi1980@yahoo.com.*

Статья посвящена анализу вариаций канонической исламской культуры питания на примере представителей двух мусульманских общин г. Казани – татар и таджиков. Работа выполнена на стыке этнологии, социологии и религиоведения с использованием таких теоретико-методологических подходов, как нормативно-ценностный и компаративистский. Эмпирический материал собран путем этносоциологического опроса с заполнением стандартизированного вопросника по репрезентативной выборке (татары) и с применением метода «снежного кома» (таджики).

В центре внимания – основной критерий, определяющий все сферы жизнедеятельности мусульман, – принцип дозволенности/недозволенности (халяль/харам) и его отражение в гастрономическом поведении сравниваемых референтных групп. На конкретном статистическом материале показано, что существуют реальная вариативность единого исламского канона и основания для выделения мусульманских субкультур внутри единой исламской культуры питания.

¹ *Столярова Гузель Рафаиловна* – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории междисциплинарных инновационных и научно-практических археологических и этнологических исследований Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Поволжский) федеральный университет.

² *Рычков Сергей Юрьевич* – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП).

³ *Рычкова Надежда Васильевна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет.

⁴ *Маддахи Машизи Джавад* – кандидат исторических наук, доцент Департамента литературы и гуманитарных наук, отдел социальных наук, Университет Shahid Bahonar, г. Керман, Иран.

⁵ Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-01-00285 «Религиозные детерминанты в культуре питания (на примере татар и таджиков г. Казани)».

В статье впервые в отечественной историографии рассматривается зависимость культуры питания различных мусульманских общин от канонических исламских предписаний и проводится их сравнительный анализ на основе оригинальных источников, часть которых (относящаяся к татарам) впервые вводится в научный оборот. Авторы при реализации научного проекта одними из первых обращаются к детализации многообразных аспектов культуры питания, исследуя их детерминированность религиозными факторами.

Ключевые слова: *ислам, религиозные нормы, культура питания, Татарстан.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-1-82-90

UDC 297+392.8

Content
of the article

Information
about the article

*G.R. Stolyarova*⁶
*S.Y. Rychkov*⁷
*N.V. Rychkova*⁸
*J.M. Maddahi*⁹

Introduction.
Historical and cultural characteristics of reference groups.
Research context.
The principle of permissibility/impermissibility in food culture.
Conclusion.

Received: 07.11.2017.
Submitted for review: 18.11.2017.
Review received: 29.11.2017.
Accepted for publication: 26.01.2018.

The Ontological Discourse in Islamic Theology and Religious Traditions of *Halal* And *Haram* in the Food Culture of the Tatars and the Tajiks (Based on Ethnological Research in Tatarstan)¹⁰

¹ *Kazan (Volga) Federal University; guzelstol@mail.ru;*

² *Private Education Institution of Higher Education «Kazan Innovative University named after V.G.Timiryasov (IEML)»; rychkovkazan@rambler.ru;*

³ *Kazan National Research Technological University; nadvas2@rambler.ru;*

⁴ *Shahid Bahonar University; madahi1980@yahoo.com.*

The article is devoted to the analysis of the variations in the canonical Islamic food culture through the example of representatives of two Muslim communities of Kazan city – the Tatars and the Tajiks. The work was carried out at the confluence of ethnology, sociology and religion using such theoretical and methodological approaches as normative-value and comparative ones; the empirical material was collected by means of an ethnological survey with the completion of a standardized questionnaire with a representative sample (the Tatars) and using the «snowballmethod» (the Tajiks). In the focus of attention was the main criterion determining all spheres of life of Muslims – the principle of permissibility / nonpermissibility (halal/haram) and its reflection in the gastronomic behavior of the reference groups put to comparison. The statistical material confirms that there is a real variability in

---

⁶ *Guzel R. Stolyarova, Dr. Sc. (History), Leading Researcher at the Scientific-Research Laboratory for Interdisciplinary and Scientific-Practical Archeological and Ethnological Research of the Institute for International Relations, History and Oriental Studies of Kazan (Volga) Federal University.*

⁷ *Sergey Yu.Rychkov, PhD (History), Associate Professor, Head of the Management Department of V.G. Timiryasov Kazan Innovative University (IEML).*

⁸ *Nadezhda V. Rychkova, PhD (History), Associate Professor of the Management and Business Department, Kazan National Research Technological University.*

⁹ *Mashizi J. Madahi, PhD (History), Associate Professor of the Department of Literature and the Humanities, Section of Social Sciences, Shahid Bahonar University, Kerman, Iran.*

¹⁰Prepared with the financial support of RFBR, project № 16-01-00285 "Religious Determinants in the Food Culture (Exemplified by the Tatars and the Tajiks of Kazan)".

---

one Islamic canon and the basis for distinguishing Muslim subcultures within a single Islamic food culture.

For the first time in the Russian historiography, the dependence of the nutrition culture of various Muslim communities on the canonical Islamic rules is considered. The authors carry out a comparative analysis based on the original sources, some of which (relating to the Tatars), are mentioned for the first time. Within the framework of a research project, the authors are among the first to turn to detailing the diverse aspects of food culture, examining its dependence on religious factors.

Keywords: Islam, religious norms, food culture, Tatarstan.

Введение

Религиозные предписания, касающиеся систем жизнеобеспечения, к которым относится в числе прочих питание, представляют собой, по сути, концентрированный опыт человечества по воспроизводству адаптационных и здравоохранительных практик. Обращение к ним актуально как с точки зрения бытового поведения, так и с научно-исследовательскими целями анализа динамики процессов, соотношения в них традиционных и модернизационных элементов, поведенческих моделей и др. Об этом, в частности, свидетельствует обширная научная литература, посвященная народам мира, в которой обязательно присутствует характеристика пищи как ярко этнически маркированного элемента культуры, нередко сопровождающаяся перечислением определяющих его факторов, среди которых упоминается и религия. В современных исследованиях вопроса особое внимание уделяется взаимодействию традиций и новаций [5; 6; 7], выделяются гендерные составляющие [8], вводится более широкий предметный контекст [11; 16; 17]. Вместе с тем достаточно редкими остаются сравнительные исследования.

В данной статье представлены некоторые результаты, полученные в ходе реализации проекта «Религиозные детерминанты в культуре питания (на примере татар и таджиков г. Казани)». Представителей этих групп объединяет приверженность одной религии – исламу; различия заключаются в их численности и статусе. Татары наряду с русскими составляют этническое большинство РТ и г. Казани, длительное время проживают на территории своей национальной республики. Таджикская община – одна из молодых диаспор РТ: первые мигранты в количестве 88 человек зафиксированы в переписи населения СССР 1970 года [3, с. 8]; по результатам переписи населения 2010 года их численность в РТ составила 5859 человек, в т. ч. 1589 человек – в г. Казани [4, с. 5]. Эмпирический материал получен путем этносоциологического опроса по стандартизированному вопроснику, содержащему как закрытые, так и открытые вопросы (опрошено по 300 респондентов в каждой этнической группе); также проведены глубинные интервью (30 респондентов в каждой группе). По татарам выборка репрезентативна и соответствует основным характеристикам генеральной совокупности; таджики из-за отсутствия доступа к материалам, описывающим генеральную совокупность, опрашивались методом «снежного кома». Ввиду того, что в самой исследовательской процедуре этносоциологического опроса могут оказаться погрешности, как объективного, так и субъективного характера (см., например, [15]), авторы данной статьи стремились обозначить тенденции, избегая категорических оценок и выводов и рассчитывая на дальнейшую проверку выдвинутых гипотез.

Историко-культурные характеристики референтных групп

Татары – преемники исламского наследия поволжских булгар, приобщившихся к мировой религии в X веке. С тех пор исламская традиция в Среднем Поволжье немало

трансформировалась [2]. Особое значение в этом процессе имели вхождение Казанского ханства в состав Русского государства (середина XVI в.); территориальное расположение татар в зоне христианско-исламского пограничья и интенсивных контактов с финно-язычными и славяноязычными соседями; распространение реформаторского буржуазно-либерального националистического движения 1880–1890-х годов (джадидизма). Значительные последствия имело то обстоятельство, что после Октябрьской революции 1917 года татары оказались в эпицентре социальных потрясений, включая массовую атеизацию населения.

На современном этапе религиозного ренессанса в культуре татар присутствует как светская, так и религиозная традиция, создавая достаточно сложную картину образа жизни этноса. Как свидетельствуют специальные исследования, на начало 2010-х годов к верующим отнесли себя около 84 % татар-горожан, среди которых доли «активно» верующих и «пассивно» верующих примерно равны [9, с. 329]. Среди татарской молодежи зафиксировано свыше 80 % верующих, но соотношение верующих, соблюдающих обряды, и верующих, не соблюдающих обряды, составляет 11 к 70 [10, с. 298]. Правда, подобная статистика основана исключительно на самоидентификации респондентов и не учитывает реальных религиозных практик.

Таджики РТ как недавние переселенцы с основной этнической территории принесли с собой особенности привычной прежней жизнедеятельности. Среди них отмечается и высокая степень религиозности: практически 100 % респондентов обозначили себя как «верующие мусульмане», в большинстве «соблюдающие все предписания», причем в старших и младших возрастных группах явных отличий не наблюдается. Кроме того, члены таджикской общины РТ устанавливают максимальные контакты между собой, нацелены на «анклавизацию»: селятся в непосредственной близости друг от друга, занимают схожие социальные ниши и т. п., что облегчает процессы адаптации в новой этнокультурной и социальной среде. Все эти обстоятельства способствуют закреплению норм прежнего уклада жизни в эмигрантской среде, а мусульманская религия выступает основным фактором его функционирования. Отметим здесь, что органы региональной государственной власти, ответственные за реализацию национальной политики, не стремятся к созданию территориальных общин – анклавов, напротив, держат курс на адаптацию мигрантов и их интеграцию в социокультурное пространство региона.

Исследовательский контекст

Основная цель статьи – выделить наиболее важные направления воздействия исламской религии на культуру питания на примере реально существующих мусульманских практик. Мы различаем понятия *система* питания и *культура* питания [12, с. 241–242]. Система питания – совокупность явлений и процессов, направленных на удовлетворение основной витальной потребности человека в еде: пригодные к употреблению продукты; способы добычи, обработки и хранения продуктов; виды приготовляемых из них блюд; утварь (посуда и приспособления для готовки, хранения продуктов, приема пищи); режим питания. Культура питания – более широкое понятие, включающее, кроме системы питания, еще и поведенческий аспект: правила поведения перед принятием пищи, во время и после трапезы; взаимодействие участников, включенных в процедуры, связанные с питанием; ритуально-обрядовые действия и иные социальные практики, в которых пища выполняет определенные роли. Таким образом, система питания по перечню компонентов едина у всех народов, а культура питания, которая по сути является выражением присущей этносу общей культуры, у каждого народа своя.

Общепризнано, что в системе жизнеобеспечения этноса пища как наиболее этнически маркированный компонент занимает особое место [1, с. 3]. С глубокой древности на формирование культуры питания стали оказывать влияние религиозные факторы в виде анимистических, тотемистических и магических представлений. Так, большинство пищевых запретов имело признаки тотемической табуации и отразилось в магических практиках различных народов мира [13, с. 70, 78, 80, 488; 14, с. 16–38]; анимистические представления нашли выражение в некоторых народных поверьях и ритуальных действиях, связанных с пищей (в земледельческих обрядах; в обрядах поминовения и причащения) [13, с. 36]. С возникновением мировых религий это воздействие стало более глубоким и системным.

Из существующих мировых религий наиболее основательные и последовательные предписания, регламентирующие образ жизни, обнаруживаются в исламе. В полной мере это относится и к культуре питания. В исламских источниках содержится множество упоминаний и указаний, имеющих непосредственное отношение ко всем звеньям, относящимся к культуре питания и позволяющим выстроить модель канонической (идеальной) исламской культуры питания. Учитывая большое количество этносов, исповедующих ислам, а также их значительные этнокультурные различия между собой и разные условия функционирования, можно предположить наличие множества вариантов канонической модели мусульманских культур питания. Это предположение легло в основу центральной рабочей гипотезы исследования, согласно которой в культуре питания татар и таджиков имеются как общие черты, так и отличия, обусловленные религиозными факторами.

Принцип дозволенности/недозволенности в культуре питания

В исламской культуре питания продукты выполняют полифункциональную роль: они являются и источниками питания, и источниками удовольствия, и источниками здоровья, и средством терапии, и инструментом возвышения и совершенствования человека.

Основой всех сфер жизнедеятельности мусульман, включая культуру питания, является принцип дозволенности (*халяль*)/недозволенности (*харам*), который строится на заповедях, законах, предписаниях, запретах и рекомендациях Корана и других источников исламской религии. Если в нерелигиозной гастрономической культуре важнейшими факторами, оказывающими влияние на выбор еды, можно считать доступность продуктов питания, их цвет, запах и вкус (что зачастую объясняет употребление таких продуктов, как все виды газированных напитков, алкогольной продукции, еды быстрого приготовления, чипсов и др., вредное воздействие которых на организм человека известно), то в исламской гастрономической культуре более важную роль по сравнению с другими факторами играет приемлемость (дозволенность) пищи. Исследование показывает, что в татарской и таджикской мусульманской среде понятия *халяль* и *харам* применительно к питанию в целом известны. Одновременно отмечаются некоторые отличия. Так, среди татар понятие «халяль» известно несколько больше, чем понятие *харам*. Особенно это заметно в молодежной среде: если термин *халяль* известен более чем половине респондентов (60 %), а совершенно незнакомы с ним около 15 %, то применительно к понятию *харам* это соотношение составляет 50 к 25. Что касается мигрантов-таджиков, то в их среде термины *халяль* и *харам* имеют широкое равнозначное хождение во всех возрастных группах.

Мы предлагаем для объяснения этого факта учитывать два обстоятельства. Первое – общий уровень религиозности (который де-факто предполагает знание содержания исламских источников и канонов), имеющий, как отмечалось выше, различия в опрошенных массивах татар и таджиков. Второе объяснение нам видится в

интенсивном развитии в Татарстане в последние полтора – два десятилетия халяль-индустрии и ее рекламы в целом, в связи с чем словосочетания «продукция халяль», «продукты питания халяль» и т. п. становятся все более употребляемыми всеми слоями населения. Что касается термина *харам*, то он не имеет столь широкого распространения и тем более не употребляется в рекламных целях.

Еще большие расхождения фиксируются при переходе от абстрактных понятий к реальным практикам. Если в исламских источниках не существует альтернативы делению пищи на дозволенную и запретную, и респонденты-таджики в целом солидарны с данной позицией, то ответ респондентов-татар на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что вся пища делится на запретную (*харам*) и дозволенную (*халяль*)» такую альтернативу вполне допускает. К примеру, полностью согласны с вышеприведенным утверждением лишь четверть респондентов из молодежной выборки татар, совершенно не согласны – 37 %, столько же респондентов затруднились с ответом. В соответствии с подобными представлениями формируется и реальное поведение. Доля таджиков, всегда придерживающихся деления пищи на запретную и дозволенную, приближается к 100 %. У татар массив в отношении данного вопроса зримо расслаивается. Так, среди молодых респондентов (до 29 лет включительно) всегда придерживаются принципа деления пищи 10 % опрошенных; редко – около 9 % (суммарно – 18,7 %); пятая часть респондентов вспоминает о нем во время религиозных праздников и обрядов (в т. ч. женщины вдвое чаще, чем мужчины); не придерживаются вовсе – почти 60 %. С повышением возраста отношение к названному принципу несколько меняется. Так, например, в возрастной группе от 30 до 49 лет доля лиц, всегда придерживающихся принципа деления пищи на запретную и дозволенную, увеличивается до 14 %; редко придерживающихся – до 18 % (суммарно – 32,5 %); во время религиозных праздников – до 28 % (доля женщин также почти вдвое превышает долю мужчин); доля же тех, кто не придерживается этого принципа, сокращается на 20 пунктов. В еще более старших возрастах показатели меняются в отмеченных тенденциях. Выделенные гендерные отличия, возможно, связаны с тем, что в культуре питания татар именно женщина выполняет центральную роль в процессе приготовления пищи и непосредственно связана с выбором и приобретением продуктов.

Справедливости ради укажем, что принцип дозволенности/недозволенности как для придерживающихся его татар, так и для более ортодоксальных таджиков не является догмой или неизбежной константой. Практика свидетельствует, что в определенных условиях законы, ограничивающие питание, становятся гибкими и могут меняться, а запреты могут сниматься. По сути, эта гибкость в употреблении недозволенных продуктов, которая варьируется в зависимости от физических кондиций человека, требований времени и места, в которых находится человек, употребляющий эти продукты, обеспечивает динамизм культуры питания мусульман и гарантирует здоровье и сохранность жизни тех, кто соблюдает эти нормы. Поэтому в тех ситуациях, когда жизнь или физическое здоровье человека находится под угрозой, физическое здоровье считается более важным, чем духовное, а потому в таком случае можно употреблять запретную пищу ради сохранения жизни. Однако даже в экстремальных ситуациях поведение татар и таджиков, согласно результатам опроса, отличается. Респонденты-таджики намного реже допускают употребление запрещенных продуктов даже в стесненных обстоятельствах, когда под угрозой оказывается жизнь, – в 20 % случаев. Татары в подобных ситуациях чаще склонны нарушать религиозные предписания: 32 % молодых респондентов категорически не будут их придерживаться, еще 21 % – в основном не будут. При более мягких обстоятельствах – при болезни, но отсутствии угрозы жизни – таджики-респонденты предпочли полностью соблюдать

исламские нормы (100 % ответов), а татары ненамного строже стали к ним относиться: не отказываются от запрещенных продуктов 28 % и еще 12 % в основном не отказываются. Подобное отношение к запрещенным продуктам у таджиков соответствует их представлениям о том, что здоровье и болезни зависят от еды. Так считают 76 % респондентов. У татар же наблюдается несогласование рациональных представлений о пище как источнике здоровья и заболеваний и иррационального принятия исламских норм: чаще нарушая, как показано выше, религиозные предписания, полностью соглашались с тем, что здоровье и пища взаимообусловлены, около 14 % молодых респондентов и еще около 46 % в основном с этим согласны.

Заключение

Таким образом, результаты, полученные при анализе ответов респондентов (татар и таджиков г. Казани), позволяют сделать заключение, подтверждающее выдвинутую рабочую гипотезу о вариативности мусульманских культур. Очевидно, что в различных природно-географических, социально-экономических, историко-культурных средах у народов одного вероисповедания формируются отличающиеся модели жизнедеятельности и поведения. Исследования в этом направлении продолжаются, и мы надеемся по их результатам представить достаточно полную картину, характеризующую культуру питания в двух равных, но столь разных этнических культурах.

Литература

1. Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблема классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания) // Советская этнография. – 1981. – № 4. – С. 3–15.
2. Гаязов Л.Д. Особенности татарского традиционного ислама в постсоветский период // Исламоведение. – 2015. – № 2. – С. 86–94.
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4. Национальный состав населения Республики Татарстан. – Казань, 2004. – 132 с.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – Казань, 2013. – 162 с.
5. Магомедов А.Дж. Ислам и потребление хмельных напитков в Дагестане: к истории вопроса // Исламоведение. – 2015. – № 3. – С. 53–61.
6. Магомедов А.Дж. Ислам и традиции светского досуга в Дагестане // Исламоведение. – 2014. – № 1. – С. 65–72.
7. Магомедов А.Дж. Исламские новации в современной свадьбе народов Северного Кавказа // Исламоведение. – 2012. – № 3. – С. 60–72.
8. Михалева А.В. Поведенческие стратегии мусульманок Пермского края // Исламоведение. – 2011. – № 3. – С. 17–28.
9. Мусина Р.Н. Этноконфессиональные процессы в городах РТ: тенденции развития в постсоветский период // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. V. – Казань, 2011. – С. 326–346.
10. Ходжаева Е.А. Религиозность мусульманской молодежи в перспективе количественного и качественного исследования // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований; сб. статей к юбилею Леокадии Михайловны Дробижевой. – Казань, 2013. – С. 293–313.
11. Рычков С.Ю., Столярова Г.Р., Рычкова Н.В., Маддаху Дж.М. Татарстанский рынок питания в концепте исламской экономики (экономико-антропологический аспект) // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – Т. 10. – № 4. – С. 55–66.

12. Столярова Г.Р., Рычков С.Ю., Рычкова Н.В., Фазлиев А.М. Религия и питание: актуальные вопросы этнологического исследования // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы Международной научно-практической конференции. – Казань, 2016. – С. 240–243.
13. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М., 1990. – 622 с.
14. Фрезер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Т. 1. – М., 2001. – 528 с.
15. Яхьяев М.Я., Байсаидова Г.Б. Методологические аспекты социологических исследований ислама // *Исламоведение*. – 2012. – № 4. – С. 4–9.
16. Javad Maddahi Mashizi, Abbas Haidary Behnuieh and Rafailovna Stolyarova Guzel. Food as an Element of the Scapegoat, "The anthropologist" (International Journal of Contemporary and Applied Studies of Man). – 2014. – Vol. 18, № 3. – P. 847–857.
17. Rychkov Sergey Y., Rychkova Nadezhda V., Stolyarova Gyzel R. Ethnic model of consumer practices Tatars and Russians of Republic of Tatarstan in the period of globalization // *Review of European Studies*. – 2015. – Vol. 7, № 3. – P. 298–304.

References

1. Arutyunov S.A., Mkrtumyan Yu.I. Problema klassifikatsii elementov kulturyi (na primere armyanskoy sistemyi pitaniya) [The problem of the classification of cultural elements (on the example of the Armenian food system)], *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*, 1981, № 4, S. 3–15. (In Russian)
2. Frezer Dzh. Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii [A golden branch. Study of magic and religion]. V. 1. M., 2001. 528 s. (In Russian)
3. Gayazov L.D. Osobennosti tatarskogo traditsionnogo islama v postsovetskiy period [Features of Tatar traditional Islam in the post-Soviet period]. *Islamovedenie [Islamic Studies]*, 2015, № 2, S. 86–94. (In Russian)
4. Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 goda [Results of the All-Russia Population Census of 2002]. Vol. 4. Natsionalnyiy sostav naseleniya Respubliki Tatarstan. Kazan, 2004. 132 p. (In Russian)
5. Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda [Results of the All-Russia Population Census of 2010]. Vol. 4. Natsionalnyiy sostav i vladenie yazyikami, grajdanstvo. Kazan, 2013. 162 s. (In Russian)
6. Magomedov A.Dj. Islam i potreblenie hmelnyih napitkov v Dagestane: k istorii voprosa [Islam and consumption of intoxicating drinks in Dagestan: to the history of the issue]. *Islamovedenie [Islamic Studies]*, 2015, № 3, S. 53–61. (In Russian)
7. Magomedov A.Dj. Islam i traditsii svetskogo dosuga v Dagestane [Islam and traditions of secular leisure in Dagestan]. *Islamovedenie [Islamic Studies]*, 2014, № 1, S. 65–72. (In Russian)
8. Magomedov A.Dj. Islamskie novatsii v sovremennoy svadbe narodov Severnogo Kavkaza [Islamic innovations in the modern wedding of the peoples of the North Caucasus]. *Islamovedenie [Islamic Studies]*, 2012, № 3, S. 60–72. (In Russian)
9. Mihaleva A.V. Povedencheskie strategii musulmanok Permskogo kraja [Behavioral strategies of Muslim women in the Perm region]. *Islamovedenie [Islamic Studies]*, 2011, № 3, S. 17–28. (In Russian)
10. Musina R.N. Etnokonfessionalnyie protsessy v gorodah RT: tendentsii razvitiya v postsovetskiy period [Ethno-confessional processes in the cities of the Republic of Tatarstan: development trends in the post-Soviet period]. *Etnologicheskie issledovaniya v Tatarstane [Ethnological research in Tatarstan]*, vypusk V, Kazan, 2011, S. 326–346. (In Russian)

11. *Hodjaeva E.A.* Religioznost musulmanskoj molodeji v perspektive kolichestvennogo i kachestvennogo issledovaniya [Religiousness of Muslim youth in the perspective of quantitative and qualitative research]. *Etnosotsiologiya v Tatarstane: opyt polevyih issledovaniy [Ethnosociology in Tatarstan: experience of field research]*. Sb. statey k yubileyu Leokadii Mihaylovnyi Drobijevoy. – Kazan, 2013. S. 293–313. (In Russian)

12. *Ryichkov S.Yu., Stolyarova G.R., Ryichkova N.V., Maddahi Dj.M.* Tatarstanskiy ryinok pitaniya v kontsepte islamskoj ekonomiki (ekonomiko-antropologicheskij aspekt) [Tatarstan food market in the concept of Islamic economy (economic and anthropological aspect)]. *Aktualnyie problemy ekonomiki i prava [Actual problems of economics and law]*, – 2016. – Vol. 10. – № 4. – S. 55–66. (In Russian)

13. *Stolyarova G.R., Ryichkov S.Yu., Ryichkova N.V., Fazliev A.M.* Religiya i pitanie: aktualnyie voprosy etnologicheskogo issledovaniya [Religion and nutrition: topical issues of ethnological research]. *Pozitivnyiy opyt regulirovaniya etnosotsialnyih i etnokulturnyih protsessov v regionah Rossiyskoj Federatsii [Positive experience in regulating of ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation]*. Materialy Mejdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Kazan, 2016. S. 240–243. (In Russian)

14. *Tokarev S.A.* Rannie formy religii [Early forms of religion]. – M., 1990. 622 s. (In Russian)

15. *Yahyaev M.Ya., Baysaidova G.B.* Metodologicheskie aspektyi sotsiologicheskikh issledovaniy islama [Methodological aspects of sociological studies of Islam]. *Islamovedenie [Islamic Studies]*, 2012, № 4. S. 4–9. (In Russian)

16. Javad Maddahi Mashizi, Abbas Haidary Behnuieh and Rafailovna Stolyarova Guzel, Food as an Element of the Scapegoat. *The Anthropologist. (International Journal of Contemporary and Applied Studies of Man)*, 2014, vol. 18, № 3, p. 847–857.

17. *Rychkov, Sergey Y., Rychkova, Nadezhda V., Stolyarova, Gyzel R.* Ethnic model of consumer practices Tatars and Russians of Republic of Tatarstan in the period of globalization, *Review of European Studies*, 2015, vol. 7, № 3, p. 298–304.